

**ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Пэй Цзяминь
на тему: «Восток (Китай) в русской литературе Серебряного века»
по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы
народов Российской Федерации**

Диссертация Пэй Цзяминь представляет собой серьезный, состоявшийся научный труд. Не вызывает сомнений *актуальность* темы предпринятого исследования: изучение восточного (и, в частности, китайского) дискурса представляется важной гранью целостного постижения идейно-образного мира русской поэзии Серебряного века. В рамках поставленной диссертантом цели для наиболее подробного рассмотрения было избрано творчество трех поэтов – К. Бальмонта, Н. Гумилева и М. Волошина. Выбор названных фигур представляется глубоко обусловленным, поскольку в творчестве этих поэтов образы Востока (Китая) представлены особенно ярко. Кроме того, выбранные поэты репрезентируют различные направления в поэтической культуре Серебряного века: Бальмонт является ярчайшим представителем символизма, Гумилев – акмеизма, а творчество Волошина аккумулирует в себе черты и элементы разных художественных систем и не может быть отнесено однозначно ни к одному из течений эпохи. Таким образом, Пэй Цзяминь в своей диссертации прослеживает, как семиотическая сфера Китая раскрывается в творчестве поэтов различных, и даже контрастных художественных ориентиров, что обеспечивает диссертационному исследованию необходимую широту охвата и концептуальную полноту.

Хотелось бы специально отметить такую ценную и исключительно продуктивную линию в научных размышлениях диссертанта, как синхронизация литературоведческих наработок российских и китайских ученых. В результате проблема рецепции китайского образного, идейного, ментального дискурса в русской литературе Серебряного века оказывается

рассмотрена объемно и с учетом параметров разных аналитических систем. В этом заключается несомненная *новизна* диссертационной работы. К критериям научной новизны представленной диссертации относятся также доказательно сформулированные обобщающие суждения о раскрытии образности Китая, ее формировании и эволюции в русской поэзии Серебряного века.

Глубина проработки научной проблематики диссертации раскрывается и в том, что Пэй Цзяминь привлекает к исследованию необходимый *контекст* (как литературный, так и философский). Так, первая глава диссертации посвящена прежде всего творчеству К. Бальмонта, но аналитические суждения диссертанта не ограничиваются только бальмонтовским наследием. Речь идет о рецепции восточной темы в символистской поэзии в целом, а для подробного аналитического рассмотрения привлечены также «Китайские стихи» В. Брюсова, дабы оттенить особенности художественного метода Бальмонта и показать близкий ему, но отнюдь не тождественный подход к осмыслению китайской образности. Во второй главе, посвященной Н. Гумилеву, представлен обобщающий параграф «Восточные мотивы в поэзии акмеистов», в котором, в частности, с должной степенью подробности рассмотрен китайский образно-смысловой ряд в поэтическом мире А. Ахматовой, а также затрагивается вопрос о трактовке китайской темы в творчестве С. Городецкого и О. Мандельштама.

Диссертант убедительно доказывает, что китайская тема играла особенно значимую роль в пространстве русской литературы Серебряного века. Можно вспомнить и о том, что и в современной литературе интерпретация образов Серебряного века зачастую сопровождается флёром «китайской темы». Так, в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» главный герой, Петр, воображающий себя поэтом начала XX века, является горячим поклонником Китая. Брюсов, который выведен в качестве действующего лица в первой главе романа, обращается к главному герою: «Все у вас какие-

то лошади, императоры, Китай этот...»¹. Этим словам будто вторит лечащий врач Петра, Тимур Тимурович: «Например, Китай, от которого Вы без ума...»². Очевидно, что в современном писательском сознании Китай тоже воспринимается как особый характерный знак поэтического мышления рубежа XIX–XX веков.

Каждая глава диссертационного исследования содержит ценные и литературоведчески значимые выводы. В *первой главе* рассмотрены мировоззренческие контексты «восточной» темы (прежде всего круг идей В. Соловьева) в русской культуре рубежа XIX–XX вв., особенности раскрытия этой темы в художественном дискурсе символизма (А. Блок, А. Белый) и особенно подробно – в поэтическом мире Бальмонта. Выявлены этапы постижения и разработки Бальмонтом китайской темы, проанализирован круг бальмонтских идей, образов, мотивов, связанных с восточной интеллектуальной культурой, пристальное внимание уделено пониманию творческого процесса, которое, как доказывает диссертант, было связано у Бальмонта с теми или иными концептами восточных традиций. Идея приобщения к мировой душе, понимание природы, трактовка некоторых символов (например, образа дракона) коррелируют, как убедительно показывает диссертант, с изучаемыми Бальмонтом восточными традициями. Детально анализируется китайская тема, представленная в пяти стихотворениях сборника «Сонеты солнца, меда и Луны. Песня миров» (1917). В рамках первой главы работы рассмотрен также идейный мир «Китайских стихов» В. Брюсова, которые «свидетельствуют о попытках погружения автора в глубины китайской культуры, переноса в стихотворную форму основных идей древнекитайских мыслителей, в частности, Конфуция» (с. 156).

Вторая глава диссертации посвящена китайским мотивам и образности в творчестве Н. Гумилева. Художественные поиски автора «Фарфорового

---

¹ Пелевин В. Чапаев и Пустота. М.: Эксмо, 2007. С. 15.

² Там же. С. 21.

павильона» рассмотрены, как уже отмечалось, в контексте более широкой темы, охватывающей восточную проблематику в поэзии акмеизма. Диссертант анализирует пути «вызревания» восточной темы в художественном сознании и творческой практике Гумилева, с наибольшей степенью подробности закономерно останавливается на стихотворениях из цикла «Фарфоровый павильон» и предлагает интересную и убедительную трактовку важнейших образов-символов названного цикла.

В *третьей главе* диссертации убедительно раскрыт характер творческого осмысления «восточной» темы в наследии М. Волошина. Проанализированы биографические предпосылки формирования интереса к ориентальной проблематике, в художественном мышлении поэта выявляются элементы родства с китайской и японской эстетикой, прослеживается ряд тем и мотивов, близких восточной традиции. Ценным разделом главы является ее третий параграф, в котором анализируется вклад китайских ученых в исследование русской литературы Серебряного века.

В *заключении* диссертационной работы формулируются основные выводы и систематично подводятся итоги исследования.

Работа выполнена на высоком филологическом уровне и заслуживает полной поддержки. Основные выводы диссертанта не вызывают возражений. Вместе с тем, формулировка отдельных тезисов, на наш взгляд, могла бы быть скорректирована в сторону большей точности. Среди таких тезисов – суждения о роли и значении восточной линии в творчестве К. Бальмонта. Диссертант утверждает, что «переосмысление восточных идей, философии, мифологии занимает для него ключевое место в творческом самоопределении и самореализации» (с. 61–62). Позиция диссертанта представляется слишком категоричной. При всей безусловной значимости для Бальмонта дискурса Востока, нельзя сказать, что именно Восток занимал ключевое место в самоопределении поэта. Ключевое место занимало в сознании Бальмонта не восточное, и не западное (к сфере которого поэт также проявлял огромный интерес), а иное – русское национальное. Именно

это начало было основой, фундаментом его мироощущения. Бальмонт сплавляет в своем творчестве множество элементов самых разных культур, но подлинной сердцевиной его мышления и мироощущения всегда оставалось национальное. Бальмонт – русский поэт, который, будучи эрудитом, полиглотом, впитал широчайший спектр разнообразных традиций. Его тяготение к инациональной образности, к изучению чужих традиций, и, в частности, восточных, было проявлением «всемирной отзывчивости», а не стремлением обрести в инациональных культурах ключевую опору. Достаточно вспомнить, какое место занимают в его творческом наследии занимают образы русской истории, русской природы, русской культуры. Есть у Бальмонта и книги, целиком и полностью обращенные именно к сфере национального – например, «Жар-птица. Свирель славянина», «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные»; большая часть цикла «Птицы в воздухе. Строки напевные» и, конечно же, «В раздвинутой дали. Поэма о России». Точкой опоры для Бальмонта оставался русский мир: «Узнай все страны в мире, // Измерь пути морские, // Но нет вольней и шире, // Но нет нежней – России»³. «Я Русский»⁴, – говорит Бальмонт, определяя глубинную суть своей личности. При огромном интересе к чужим культурам, при всей страсти к путешествиям и познанию нового и незнакомого, Бальмонт прямо утверждает: «...путь мой соколиный – // К Единственному Краю»⁵, – поэт говорит о Родине и открывает истинное, сокровенное движение своей души именно к ней. Итак, сердцевину мироощущения и творческого самоопределения Бальмонта будет правильно характеризовать не через сферу восточного (или западного), а через сферу русского национального. Восток играет для Бальмонта очень важную роль, но нельзя ее считать ключевой.

Относительно гумилевского сборника «Фарфоровый павильон», глубоко и аргументированно разобранного диссертантом, хотелось бы задать два уточняющих вопроса, которые ни в коей мере не ставят под сомнение

---

³ Бальмонт К.Д. Собр. соч.: в 7 тт. Т. 4. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 8.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же. С. 9.

правомерность выводов Пэй Цзяминь и преследуют лишь цель конкретизации отдельных граней содержания книги.

Первый вопрос касается категории комического в названном сборнике. В «Фарфором павильоне», при всей его очевидной мировоззренческой глубине, ощутима комическая составляющая. Цикл пронизан тонким юмором. Насколько Гумилев здесь близок китайским представлениям о юморе? Стремится ли русский поэт отразить китайское понимание комического, или здесь больше авторского юмора? Насколько «по-китайски» выглядит такой прием, когда глубокие суждения бытийного порядка поданы сквозь утонченно-шутливый флер? Например, суждения о счастье: «И если владеешь ты легкой ладьей, // Вином и женщиной милой, // Чего тебе надо еще? Ты во всем // Подобен гениям неба»⁶? Или о невзаимной любви: «Ты меня не любишь, и умру я, // Как бычок, травы лишенный свежей, // Без единственного поцелуя // В щеку, где румянец нежен, свежий»⁷. Или, наконец, хитросплетения человеческих отношений, явленные в миниатюре «Три жены мандарина»? Насколько метафорика этих текстов соотносится с китайскими представлениями о комическом, и стремился ли Гумилев в «Фарфоровом павильоне» их воплотить?

Второй вопрос относительно цикла «Фарфоровый павильон» касается оформления книги в первом издании. В качестве иллюстраций в первом издании сборника (1918) были избраны графические работы китайского художника У-цзин-ту. Интересно было бы узнать, что означают включенные в эти иллюстрации иероглифы (на страницах 5, 8, 29, 30), и соотнести значение этих иероглифов с содержанием сборника.

Заданные вопросы носят уточняющий характер и не подразумевают дискуссии в отношении основных положений и выводов работы.

Автореферат и публикации полностью соответствуют содержанию диссертации.

---

⁶ Гумилев Н.С. Фарфоровый павильон. С.-Петербург: Гиперборей, 1918. С. 14.

⁷ Там же. С. 27.

Диссертационное исследование Пэй Цзяминь является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной задачи аналитического рассмотрения образов Востока в русской литературе Серебряного века, имеющей важное значение для современного литературоведения. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, согласно п.2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов», утвержденного Ученым советом РУДН протокол № 12 от 23.09.2019г., а её автор Пэй Цзяминь заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:
доктор филологических наук по специальности
5.9.1 – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации, доцент кафедры истории
новейшей русской литературы
и современного литературного процесса
филологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Кротова Д. В.

Подпись заверяю

«23» мая 2023 г.
111024, г. Москва, Ленинские горы, д. 1,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»
Тел.: +7 (495) 939-2642; e-mail: ruslitxxcentury@gmail.com

